

КТО НА КОГО УЧИЛСЯ

В феврале не стало моего товарища Сереги, с которым дружил более двадцати лет. Пошел он утром умываться и рухнул. Едва за шестьдесят перевалило, до последнего дня в волейбол играл, что меня, тоже волейболиста, всегда радовало. Я-то немного постарше буду, и не осталось былой прыгучести и координации, а все равно волейбол — игра на всю жизнь. Но познакомились мы не на площадке, а в компьютерном отделе. Серега — бывший офицер, в середине 90-х уволился из армии. Знание технического английского и компьютера помогло ему стать инженером-айтишником. Он имел успех, работая в издательствах и торговых фирмах, к тому же из-за отзывчивого характера всегда был на виду в любом коллективе. Его уважали руководители, коллеги-женщины и даже черный кот, которого котенком однажды он подобрал на улице. Тот быстро вырос и стал талисманом отдела. Занимался им в основном Серега, даже приезжал в выходные, чтобы напоить и покормить, возил на прививки, и никто в этом ему особенно не помогал; правда, время от времени скидывались

всем отделом на кошачий корм — дело-то компанейское. Да и сам он был компанейским.

Это и помогло нам подружиться, когда я попросил знакомого помочь сделать верстку книги, а тот отправил меня к Сереге. Вскоре по его совету обзавелся компьютером, а он помог настроить. Предложил денег за работу — отказался, лишь намекнул, что заглянуть в гастроном не возбраняется. С той поры запросто звонил ему, всегда радовавшемуся моим книгам, публикациям, выслушивал замечания о новых сочинениях; иногда он что-то хвалил — в общем, не оставался равнодушным к тому, чем я занимался. И это было особенно приятно. А так как я тот еще «чайник», то приходилось частенько обращаться за компьютерной помощью, и он охотно отзывался, говорил шутливо: «О, господин *пейсатель!* Всегда рад помочь!» От его легкой иронии на душе делалось легко и совсем не обидно. Любил он не только литературу: то закатится с женой в Ярославль в тамошний театр на новый спектакль, то начнет рассказывать о выставке на Крымском валу — и все ему интересно, везде ему хочется успеть, тем более что дети выросли, жили сами по себе.

Я же, имея такого товарища, совсем обленился, понимая, что не поспеваю за развивающейся техникой, — хотя и не особенно стремился поспевать. Не мое это. Проще позвонить Сереге и рассказать о закавыке с компом; используя опцию удаленного доступа, он легко расправлялся с любой «засадой». После этого как не встретиться в чебуречной на Сухаревской, считавшейся лучшей в столице еще с советских времен. Чебуреки здесь сочные, душистые, их аппетитный аромат растекался по всему скверу на месте дореволюционной толкучки. Употребляли огненные чебуреки так: один угол зажимался двумя ложками, другой откусывался, а бульон сливался в специально заготовленную третью. В общем, объеденье. Трех чебурек с бараниной или говядиной вполне хватало пообедать. Можно было по-тихому пропустить рюмочку-другую, а с некоторых пор шкалики с водкой и коньяком продавались вполне легально. Так что мы часто бывали с Серегой на Сухаревской и оставались довольны этими походами, разъезжаясь по домам выпившими и сытыми. Встречались и по не «производственным» делам. Отмечали дни рождения, День защитника Отечества, ВВС, где он служил, да и мой ВДВ — это уж обязательно. Так что достаточно находилось поводов, и мы охотно ими пользовались, а иногда встречались и без повода — просто так.

И вот с Серегой минувшей зимой попрощались на Хованском, и навсегда сорвалась наша очередная встреча на Сухаревке. Его сослуживцы, зная, что он помогал мне в компьютерных делах, обещали не бросать, говорили, мол, не стесняйся, всегда обращайся, но как-то позвонил им и понял: все изменилось. Не оказалось у них второго Сереги. И перестал их тревожить.

Жизнь, понятно, продолжалась. Много времени проводил за компом: это и новые рукописи, и почта, и соцсети — дело известное. И с каждым днем он работал все медленнее и медленнее. Спросил у сына, что это может быть, а он как всегда: «Потом посмотрю!» Обещать-то обещал, но я-то знал, что это «потом» может растянуться до бесконечности. И от этого делалось обидно, ведь сам-то я при первой его просьбе все бросал и спешил на помощь. Конечно, не всегда он был таким, а началось это, когда я на пару лет уходил из семьи. Да, был такой момент, искал семейного счастья на стороне, устав от постоянных придирок жены из-за безденежья, но ничего не получилось. Да и кому нужен человек с несытными заработ-

ками — хотя у кого они были «сытными» в 90-е годы. Пришлось вернуться. Кое-как был принят женой, и сын вроде бы первое время радовался, но когда повзрослел, женился, то не сумел до конца простить мой «заскок», хотя напрямую никогда не укорял. Лишь оттаял, как мне казалось, когда устроил его в солидную организацию после университета. Стал хоть как-то отзываться на житейские просьбы, но недолго — со временем забыл отцовскую заботу и все чаще кормил «завтраками». И вот теперь сам разругался с женой и, оставив без внимания сына-подростка, третий месяц жил у нас. Временем располагал, но не располагал душевностью и вниманием к отцу, продолжавшему делать замечания, «учившему жизни». Как-то не выдержал, сказал ему прямо, заведя разговор на общую с ним тему, и он понял, что я имел в виду:

— Всю жизнь, что ли, будешь дуться?!

Думал, промолчит, но отозвался грубо и непочтительно:

— Сам виноват!

Задело это меня, чего скрывать, поэтому ответил в тон, неуважительно, как случайному несимпатичному человеку:

— А сам-то чего же сына оставил? Или только за другими промахи замечаешь?

Он хотел что-то сказать, но промолчал, не сумев честно ответить, а врать, видно, не стал. Ну, хотя бы так.

После этого разговора вспомнил о двоюродном племяннике, год назад перебравшемся из провинции. Его отец, помнится, очень нахваливал сына-компьютерщика, гордился им. Вот, мол, светлая голова, заработал и накопил денег на квартиру. «Представляешь, в Москве теперь живет, там у вас такие возможности!» И я понял, что парень не промах, если в районном городе, пусть и крупном, сумел хорошо заработать. Попробуй сруби деньгу, если ты не жуликоватый чиновник. А ведь смог! И было радостно, что у брата такой башковитый сын. И я позвонил Алексею, рассказал о своей проблеме, а он сразу расстроил:

— Дядя Володя, проблем может быть несколько, и сразу не скажешь, от чего именно комп тупит. Как-нибудь подскочу, посмотрю. Вы в Строгино живете?

— Да, в Строгине...

— Диктуйте адрес! — недолго думая попросил Алексей. — В ближайшие дни буду. Может, и делов-то на пять минут!

Как не обрадоваться такой отзывчивости? И я порадовался за племянника. Подумал: «Есть же, есть хорошие люди!» С этой мыслью и далее жил, и было приятно, что кто-то о тебе думает, заботится.

Неделя прошла, вторая — позвонил ему. Оказалось, что Алексей помнит обещание, но сейчас очень много работы.

— Подождите еще немного, дядь Володь, обязательно заскочу.

Прождал две недели, и сил более ждать не осталось, тем более что комп почти перестал работать. Файл PDF объемом 15 МБ скачивался 14–15 минут. Весь обозлившись, пока дожدهшься. Тогда вновь напомнил сыну, не дождавшись помощи от племянша.

— Тебе горит... — огрызнулся он.

Все, деваться некуда, надо «сдаваться» мастерам со стороны. Позвонил в центр ремонта компьютеров. Выслушали там мои стоны и пообещали через два часа прислать мастера.

— Спасибо, буду ждать! — обрадовался я, сообщив адрес.

Мастер прибыл без опоздания: лет тридцати пяти, невысокий, кур-

нос, в очках (умный!), надел бахилы, я ему подал гигиеническую салфетку для рук, и он уселся за комп, но сначала представился:

— Сергей... — А у меня от его имени что-то в груди заломило: сразу вспомнил своего Серегу.

А новый Сергей пощелкал мышкой, почитал одну техническую страницу, другую, печально качнул головой, вздохнул:

— Работы много будет... Желательно жесткий диск заменить. Сколько лет-то машине?

— Да уж лет восемь-девять... А вы все данные сохраните?

— Сохраню, куда же деваться, хотя вы накопили за эти годы о-го-го сколько всего.

— И до этого был компьютер, и не один, все пришлось сюда перенести, чтобы под рукой рукописи и фотографии были.

— А вдруг жесткий диск сгорит?! Ведь все пропадет!

— Что важное, а важное у меня все, переписал на запасные диски.

Вон в углу стопка стоит. Так что обезопасил себя, как мог.

— Тогда другое дело. Ну так что? — задал мастер вопрос и сделал паузу. — Меняем диск?

— Надо так надо. Сколько это будет стоить?

— Около четырех тысяч, не считая работы. Как раз у меня есть один с собой.

— Вполне согласен. Меняйте, если уж время подошло его менять.

— Но учтите, что будут еще расходы по переносу и сохранению данных, установке браузеров и прочие — сами понимаете, что бесплатно такие вещи не делаются.

— Надеюсь, цена-то не будет кусаться?

— Все подъемно, даже для пенсионеров.

Мастер начал что-то писать на листочке, фотографировать смартфоном, попросил освободить системный блок от окруживших его книг и бумаг, а сам запустил перекачку данных с компьютера на внешний диск. Когда скинул, то спросил о пылесосе:

— Наверняка в компе полно пыли.

— Как ей не быть, если я года три не чистил его.

Принес я пылесос, подключил, а мастер снял с блока панель, пропылесосил, начал устанавливать диск.

— Как у вас все ловко получается! — искренне похвалил его, начавшего по-настоящему нравиться: говорит мягко, уважительно — сын редко когда на такое сподобится.

— Кто на кого учился! — улыбнулся через очки мастер. — Вот вы-то тоже чему-то учились, если все полки заставлены книгами да журналами?

— Так уж получилось... — отговорился. — Могу подарить книгу на память!

— Спасибо! Я ничего не читаю — некогда ерундой заниматься...

На какое-то время наш разговор замолк; чтобы поддержать его, я предложил кофе, но гость отказался, достал из рюкзака бутылочку с водой, сделал глоточек, не позволяя мне фамильярничать. Но все равно дистанция казалась условной. Было видно, что Сергей сосредоточен, хочет поскорее завершить работу, потому что за окном сгущались июльские сумерки, и мне подумалось: «Вот что значит современный человек — действительно “пашет”». Вспомнил племянника. Алексей, наверное, так же «пахал», а иначе как заработать на квартиру в Москве? Все-таки шустрая ныне молодежь, хотя так и должно быть. Когда, как не в молодости,

заработывать на жизнь и не только? Мой сын так не умеет: ленив, заносчив, укрывается за сплошными отговорками. Вот сколько раз просил его подключить принтер и сканер после установки Windows 10 (да, тогда впервые попробовал вызвать мастера, но он оставил самые неприятные воспоминания)? Сергей не таков: сказал ему об этом, и он радостно отозвался:

— Запросто!

Работа, чувствовалось, подходила к концу, и я попросил вывести ярлыки на рабочий стол, чтобы потом легче ориентироваться.

— Само собой! — уверил он меня, а я старался запомнить привычные обозначения, выглядящие теперь по-новому. В общем, дело-то знакомое после стольких лет общения с компом. Это в глубину не удастся залезть, а в пределах бытового пользователя — легко.

Чем ближе было окончание работы, тем Сергей становился вежливее, видимо, привыкнув ко мне, к тому, что я не очень-то досаждал вопросами, а какие задавал — старался, чтобы они были конкретными и не смешными. И у меня это, кажется, получалось; по крайней мере, Сергей выглядел вполне бодрым, не угнетенным, лишь начал старательно сопеть, когда принялся заполнять квитанцию и открыл калькулятор. После нескольких минут писанины он вздохнул:

— Солидно вы загрузились... На тридцать семь тысяч!..

— На ско-о-ль-ко?! — поперхнулся я.

— Тридцать семь. Все по прејскуранту! — и сунул мне под нос распечатку мелким кеглем на пяти или шести страницах.

— И распечатка ваша не нужна, и платить я не собираюсь. За такие деньжищи можно новый комп купить со всей конфигурацией!

— Хорошо, как пенсионеру, сделаю скидку на семь тысяч. Вас это должно устроить.

— Ни в коей мере...

— И как быть?

— Посчитать правильно, по совести! Дайте квитанцию!

Я нацепил очки, взгляделся в каракули, вчитываясь в перечень работ и цены. Причем большая часть цен была закрыта печатью. Но кое-что удалось рассмотреть.

— Объясни, — попросил я, — как понимать вот эту строку: «Перенос и сохранение данных». И далее: «Код услуги — 5.3, цена в рублях — 350, кол-во — 3,8», а общая сумма услуги — 13200 рублей? Как можно получить такую сумму, умножив 350 на 3,8? — Мастер мой замаялся, а я продолжал: — А эта запись что значит: «Три консультации»?!. Причем по 1500 каждая? Три ярлыка вывести на рабочий стол — равноценно трем консультациям?! Да это твоя прямая обязанность! — я невольно перешел на «ты», потому что не осталось и капли уважения к этому мерзкому человечку, общипанным воробьем уместившемуся на стуле передо мной.

Он даже не покраснел и не извинился, лишь торопливо предложил:

— Тогда я сделаю персональную скидку на 11 тысяч! Это вас устроит?

— Ну вот это хоть как-то приемлемо, — не сразу согласился я, понимая, что более не дождешься никакого иного послабления. Дело же может закончиться скандалом, тем более что в квартире находился сын — крепкий и увесистый качок. А лишний шум, разбитый нос и полиция меня совершенно не устраивали.

Выложил я 19 тысяч и не удержался, уколол напоследок:

— Ловко у тебя получается?! Опшпарил ценой, а потом почти в два раза скостил ее! И как же будешь отчитываться перед своей конторой? Или возьмешь новую копию бланка и перепишешь квитанцию так, как тебе выгодно?! Ты этому учился? Если да, то неправильно учился, не тому, и не думай, что твой поганый опыт всегда будет помогать!

Я мог бесконечно терзать его, утоляя собственное злорадство, но он ничего не ответил, а быстро подхватил рюкзак и, не снимая бахил, выскочил на лестничную площадку; я же плюнул ему вслед и так хлопнул дверью, что, наверное, дом пошатнулся.

В этот вечер я не мог смотреть на комп. Он осточертел, казался ненасытным монстром, и вспомнились мне прежние времена, и Серега вспомнился, и Сухаревская, и все-все остальное. Да-а, как все поменялось. И дело не в деньгах, а в отношениях. Ведь этот типчик два с лишним часа втирался в доверие, чтобы потом оглушить беспощадным приговором, чтобы я проглотил его «разводку», не поперхнувшись, не сумев и не успев возразить. Вот только не вышло это у него, или почти не вышло, но это меня совсем не радовало, а лишь усиливало униженность. С тяжелыми мыслями и разбитыми чувствами лег спать, а сон все не шел и не шел.

— Сколько будешь вертеться-то? — зашипела жена, усилив мою обиду. А на следующий день позвонил двоюродный брат из Тульской области и скорбно сообщил, что Алексей, возвращаясь из Крыма, разбился на машине, и я сразу представил его успешного сына-компьютерщика, но неожиданно он превратился в моей голове во вчерашнего мастера. Из двух людей получился один отвратительный портрет. Понятно, что Алексей ни при чем и ничего не сделал мне плохого, но я ничего не мог с собой поделать. Брат просил приехать на похороны, я неуверенно пообещал, словно заранее отказавшись от поездки:

— Постараюсь, но не факт, что болячки меня отпустят...

После этого даже не сразу сообразил, что поступил неуклюже, постыдно — прежде всего перед самим собой. Понимая, что я не прав, излишне зол и мстителен, тем не менее ничего не мог с собой поделать.

Кое-как разломавшись после вчерашних переживаний, вспомнил о компе, включил его и вдруг понял, что он вновь «отупел», а самое неприятное — в том, что почта работала еле-еле, постоянно «зависала» и непростительно долго скачивались поступающие со всей России рукописи авторов. Ну не может такого быть, чтобы вчера все работало, а за один день все сломалось. Неужели мастер мог как-то навредить? Я не верил в это. Позвонил в его контору, недовольная женщина сказала сонным голосом, что подобная «тупость» часто случается, и попросила перезагрузить компьютер. Перезагрузил — прежняя история. Сообщил ей об этом и попросил связаться со вчерашним мастером.

— Он сейчас на вызове, как освободится — позвонит вам.

Ждал до вечера, но так и не дождался обещанного. Никто не позвонил: ни сонная тетка, ни рукодельник. Тишина. Начал обдумывать ситуацию: почему, ну почему комп вчера вполне сносно работал и вдруг опять «отупел»? Решил на всякий случай проверить скорость интернета. Проверил, найдя в интернете нужный сайт, и неприятно удивился: скорости почти не было. Она и прежде-то была бюджетная, для пенсионеров, а теперь стала почти никакой. Я уж было хотел звонить провайдеру, узнать, в чем дело, но тут вернулся с работы сын и отвлек, начав собирать вещи в дорожную сумку. Собрав, заглянул ко мне, усмехнулся:

— Опять мучаешься?

— Мучаюсь. А тебе что, от этого радостно?!

Он подошел, спросил:

— Ну и в чем сейчас-то проблема?

— Почта тупит. Еле качает. Хочу провайдеру звонить.

— погоди. Попробуй перезагрузить роутер.

Отключил я от питания этот самый роутер, подождал пару минут, включил. Сын скомандовал:

— Открывай почту!

Попробовал скачать файл, который перед этим скачивался 15 минут. Теперь же он полыхнул почти мгновенно.

— Ну вот! А ты суетишься, мастеров вызываешь!

— Тебе-то, сколько ни проси, некогда! Можно сказать, из-за тебя столько денег профукал!

— Ладно, пап, не зуди на дорогу.

— Далеко ли собрался?

— К внуку твоему возвращаюсь. Ты же этого хотел?

Я что-то проямлил одобрителное, сын не дослушал и вышел, о чем-то напоследок заговорил в кухне с матерью, которая сегодня со мной почти не общалась, обидевшись на вчерашнюю трату семейных денег; лишь упрекнула, словно никогда не дарил ей цветов, что, мол, на цветы сотню-другую жалую, а какому-то проходимцу отвалил немерено. Она в этот день была неприятна мне, а я ей — тем более; но я не обижался на ее причуды, они были понятны. Более обижало недавнее равнодушье сына, не забывшееся даже после его сегодняшней конкретной подсказки, которой напоследок решил меня осчастливить, хотя вполне мог это сделать давным-давно. Не зачеркнешь его всегдашнее невнимание, от которого делалось и стыдно, и обидно, и горько до невозможности. «Ну почему так происходит? Почему нельзя вовремя сделать небольшое одолжение, помочь отцу в нужный момент?! Неужели приятно выслушивать просьбу сто раз и дожидаться какой-то экстремальной ситуации?! Служил бы он в армии, где не скажешь командиру «потом» в ответ на его приказ, не избежав наказания, то и к отцу, глядишь, по-иному относился бы. Неужели только из-за страха или какой-то выгоды надо выполнить просьбу, а если ничего этого нет, то можно наплеватьельски относиться к чему угодно?!» Не мог я себе ответить на это, и сын наверняка не ответил бы, потому что мы давно разными стали, из разных поколений. И даже не особенно всколыхнуло его сообщение о внуке — дело житейское, поверхностное, все еще сто раз изменится, хотя хорошо, конечно, что жизнь у сына налаживается. Хоть в чем-то плюс. Но разговор-то об ином. Во времена моей молодости и не только было не в тягость помочь другому, тотчас отозваться на просьбу, а нынешние молодые иные. И как же быстро они стали такими, хотя сами не понимают этого. Получается, только нам, тем, кому есть что вспомнить и с чем-то сравнивать, это доступно. А им нет. Они живут по принципу «каждый за себя» — и думают, что так и должно быть. Точнее сказать, не задумываются, принимают это как данность, как постоянную величину, которая всегда была, есть и будет. И от этого становилось еще страшнее, будто стоишь в этот момент, балансируя, перед бездной.

А если «каждый за себя», то давно надо бы понять, что ни от кого ждать понимания не приходится, тем более от мастера, который и на следующий день не позвонил. Попытался связаться с его конторой, но никто не отозвался, даже сонная тетка. Решил съездить на Красносельскую. В пути погуглил в смартфоне, пытаюсь поподробнее узнать, что это за

фирма, и оказалось, что она зарегистрирована ровно год назад, имела статус микропредприятия и значился в ней один человек — учредитель. Такие фирмы работают по «упрощенке», этим и пользуются ловкие люди, и теперь предприятие наверняка благополучно закрылось. Теперь учредителя надо будет искать под какой-то иной вывеской. «А надо ли пачкаться?» — озадачился я вопросом и решил не искать ветра в поле.

И сразу легче сделалось, вспомнил о своем Сереге, о Сухаревской и изменил маршрут. Через двадцать минут был на месте, заказал два чебурека, взял шкалик коньяку и, устроившись за свободным столиком, помянул друга, незабываемого человека моего поколения. И столько всего вспомнилось хорошего, доброго, светлого. Ведь мы никогда не ссорились, обходились легкими шутками — не более, он ни разу не выразился некрасиво ни о какой-либо женщине, ни об одном сослуживце. Ни разу не ругнулся матом, хотя я иногда не сдерживался, осаживая какого-нибудь охламона. Первое время его правильность даже настораживала меня, не привыкшего церемониться в суждениях. Казалось, мы были разными — и по характеру, и по занятиям, — но это не мешало найти что-то такое, что сближало. И заслуга в этом, конечно же, не моя. Окончательно расчувствовавшись, я взял еще шкалик, вздохнул:

— Эх, Серега-Серега...

ВТОРОЙ РЕБЕНОК

Когда Глеб Воронин допек жену вторым ребенком, она в сердцах сказала:

— Тысячу евро подари — тогда рожу.

— Государство и без того заплатит пол-лимона...

— Государство государством, но и тебе надо потрудиться.

— Серьезно говоришь? — удивился Глеб, а Настя подтвердила:

— Конечно. В наше время дети дорого обходятся.

Вот что значит, когда твоя жена — бухгалтер.

— Ну что же, пусть будет по-твоему, — согласился Глеб и подумал:

«Ну, подожди, Глюкоза, я тебе устрою!»

Что устроит своей Глюкозе — это слово у Воронина было самым ругательным, — он не знал. Но, когда по совету жены стал подрабатывать дворником в соседнем ЖЭКе, не сразу преодолев при устройстве засилье гастарбайтеров, решил, что...

Вообще-то Глеб работал монтером охранных систем, заработок не ахти, поэтому сам давно хотел подрабатывать. Но одно дело, когда сам, а другое — когда принуждают.

Но отступать было поздно. Глеб принес с работы куртку, с антресоли достал армейские берцы и с утра пораньше стал ходить на участок. Часа два помашет лопатой и идет на основную работу. Машет он так лопатой, свою Глюкозу честит — глядишь, и время незаметно проходит, и участок прибран. А тут добровольная помощница объявилась. Одна из тех, что по утрам бегают в парк. Все мимо бегут, а эта худая, но грудастенькая спортсменка приноровилась делать зарядку на Глебовом участке. И скрежет лопаты ей не мешает.

— Чем руками попусту махать, вот лопатой бы помахала, — сердито крикнул ей однажды Воронин.

Думал, застесняется, уйдет, а она подошла, бедро скособочила и говорит:

— Давайте помощи... Мне полезно — и вам помочь.

Не успел Глеб что-либо сообразить, как она выхватила лопату — и ну снег поддевать. Глебу аж неудобно сделалось.

— Я пошутил, остановитесь, — нерешительно заявил он.

— Меня, между прочим, Кларой зовут, — поставила дамочка в известность, не переставая махать лопатой. — А вас, молодой человек?

— Глеб я. Воронин. Отдайте лопату. Мне работать надо — я ребенка жду!

— А вы, Глеб, шутник. Но, тем не менее, когда будете рожать — звоните. Я — акушерка, глядишь, и помогу чем-нибудь.

— Очень приятно. Непременно позвоню.

— Ну мне пора, — вскоре сообщила Клара, тяжело дыша.

Она отдала лопату и, смешно взбрыкнув, засеменила к домам.

— А куда же звонить-то, если приспичит? — крикнул вдогонку Воронин.

— Через четыре дня сообщу, — обнадежила Клара, будто сразу трудно назвать номер.

Через четыре дня, отправляясь на участок, Глеб вместо телогрейки надел модную куртку, а берцы поменял на зимние остроносые туфли.

— На свидание, что ли, собрался? — прищурившись, спросила расплывшаяся в последнее время и потому кажущаяся совсем уж круглолицей жена.

— Сегодня какая-то комиссия будет, — отмахнулся Глеб. — В ЖЭКе просили одеться почище.

Поверила Настя или нет, Глеба особенно не волновало, потому что в нем еще жила обида. И только то, что он отдал вчера жене первый дворницкий заработок, сделало Воронина более уверенным в себе.

Еще издали Глеб увидел, что Клара на участке. И ему в этот момент сделалось стыдно за то, что он, молодой мужчина, ходит убирать улицу, и за то, что вырядился сегодня. Но особенно было стыдно оттого, что, когда Клара диктовала номер своего телефона, он, окончательно смутившись, сохранил его как «Клар Пахомов».

— У тебя еще лопата есть? — спросила Клар Пахомов.

— Есть, только ты, того, не помогай!

— Неси лопату! — настояла она.

Они молча вычистили пол-участка, и тогда Клара собралась домой.

— Ну я побежала, — доложила она, — нужно сына в школу проводить. Он у меня первоклашка. А ты женатый?

— Не-а... — ляпнул Воронин и растерянно вспомнил о дочери.

— Пока! — Клара поспешно вонзила лопату в снег. — До встречи через четыре дня.

В тот же день, вернувшись с основной работы, Глеб едва не поругался с женой, когда увидел, что она купила огромную кастрюлю.

— Теперь осталось лошадь привести, — ехидно заметил Воронин.

— Я тебя что-то не пойму, — сердито ответила Настя. — Сам пристаешь со вторым ребенком, а для большой семьи и варить много надо. В этой кастрюле можно сварить первое на несколько дней.

— На несколько дней неинтересно, — тоном жены сказал Глеб. — На месяц — вот достижение было бы. На балкон котел вынес, заморозил, а потом только есть захочешь — кусок щей вырубил, разогрел и харчись до пуза.

— Не фантазируй, — фыркнула Настя.

Через некоторое время она успокоилась:

— Это не кастрюля, а бак для белья. Пеленки кипятить. Зря ты нервничаешь.

— Какие пеленки, если все памперсы используют!

— На них сперва заработать надо!

Глеб, когда понял, что это розыгрыш, поостыл, но ему все-таки подумалось, что Насте так шутить не следовало бы, а то он сгоряча опять обзовет ее Глюкозой.

Через четыре дня Глеб вышел пораньше, чтобы убрать участок до прихода Клары и поговорить с ней спокойно, хотя о чем говорить — не знал. Он просто помнил, что в нем еще живет обида на условие, поставленное женой, и его душа искала другую душу, с которой можно было поделиться наболевшим.

Но Клару Воронин не увидел, а когда позвонил ей днем, никто не ответил. Глеб позвонил позже — опять неудача.

Когда Клару не увидел и в следующий раз, то подумал, что с ней что-то случилось. Он опять звонил, никто не ответил, и тогда Глеб решил вечером найти ее. Но когда подошел вечер, он на поиски не пошел. Ведь он совсем не знал эту Клару. И почему он должен искать? Зачем? Да и где?

Отдав жене вторую дворницкую получку, Глеб думал услышать что-нибудь ободряющее, но вместо этого Настя сказала:

— Ты долго еще будешь будить меня по утрам?

— Долго, пока сын не родится.

— А я сегодня у врача была. Уже семь недель.

— Да-а?! — удивленно прикусив губу, выдохнул Воронин. — Чего же раньше-то не сказала?!

В этот день Глеб привез с пятнадцатидневки дочь. Пока ехал с ней в автобусе, неожиданно понял, почему очень хочет второго ребенка. Ведь Люся скоро в школу пойдет, она стала совсем взрослой, даже и картавить перестала. А ему хотелось крошечного человечка, такого, каким когда-то была Люся. Он спросил у дочери:

— Люся, мы с мамой скоро купим братика. Ты хочешь братика?

— Хочу! Тогда будем жить в большой квартире.

«На большую квартиру надо сперва заработать!» — невесело подумал Глеб, но ответу дочери не удивился, потому что давно привык к ее взрослым рассуждениям, которые пришли к ней, когда она едва научилась говорить, и было это, судя по всему, от матери. Озадачивало другое: неужели и второй ребенок будет таким же, когда подрастет?!

Клару Пахомову Глеб увидел месяца через полтора. К этому времени день прибавился, и он стал выходить из дому засветло. Клара бежала вместе с мальчиком и, подбежав, сказала:

— Вот, познакомься — сын Вовка. Ты мне звонил? — спросила она после паузы и внимательно посмотрела Глебу в глаза.

— Звонил, но...

Худой и кривоногенький Вовка — весь в мать — выглядывал из-за ее спины, и чувствовалось, что ему совсем неинтересна утренняя прогулка.

Когда Клара сказала сыну, чтобы тот побегал (а то в сосульку превратишься!), он нехотя стал топтаться на месте и ковырять ногой снег.

Глеб равнодушно воспринял встречу с Кларой, потому что к этому времени успел подзабыть ее. Он снял куртку и слишком уж решительно схватил лопату. Клара молча наблюдала, и ее взгляд — насмешливый и

любопытный — смущал и злил. И хотя он догадывался, что она живет без мужа, якобы наивно спросил:

— Могла бы и мужа прихватить, втроем здесь работы на пятнадцать минут.

Он видел, что напоминание о муже задело Клару, но она не подала виду и, будто так говорила каждый день, сказала:

— А он по утрам завтрак готовит.

— Если он у тебя такой сознательный — на, держи лопату. Работай за двоих, укрепляй здоровье.

Воронин отдал лопату Кларе, а сам отправился в подсобку за второй. Когда вернулся, Клара стояла, скрестив руки на черенке.

— С чего это вы, Глеб, решили, что я пришла убирать снег? — спросила она весело. — Для зарядки я могу просто в снежки поиграть, тем более что сегодня оттепель.

Она отбросила лопату и, позвав сына, стала катать снеговика.

— Вовик, а в школу не опоздаешь? — спросил Глеб насмешливо.

— Вчера каникулы начались, — ответил мальчишка. — А у вас старое ведро есть, чтобы на снеговика надеть?

— Извини, чего нет — того нет.

В это утро Глеб не дочистил участок. Он швырнул в подсобку лопаты, зашел домой переодеться и, не завтракая, отправился на основную работу. А через четыре дня он никак не хотел идти на участок и не пошел бы, если б не выпал снег. Правда, его опасения оказались напрасными: Клару он не видел. И только недели через две, когда снег уже почти растаял, он заметил ее в глубине парка: она стала бегать другой дорогой.

Однажды, намазывая веснушчатое, как у девчонки, лицо каким-то пахучим кремом, Настя сказала:

— Твое отношение ко мне ничуть не изменилось. По-моему, тебе ребенок не нужен.

— С чего это ты решила?

— Ты перестал помогать.

Глеб уклонился от разговора, хотя ему и хотелось наговорить дерзостей. Он бы и наговорил, но только вспомнил, что несколько лет назад, когда они вот так же ждали второго ребенка, Настя стала доводить его подобными вопросами. Но тогда она готовилась к поступлению в колледж и в итоге решила, что второй ребенок не нужен. Пока они спорили, сроки были упущены, и Глеб начал придумывать имя будущему сынишке (что родится именно сынишка — он и минуты не сомневался). Но оказалось, что делал это преждевременно.

Когда Настя ходила на пятом месяце, случилось то, о чем Воронин до сего времени не мог вспоминать без содрогания. В тот день, вернувшись с работы, он застал жену выпившей.

— Что это значит? — спросил он, нацелившись влить ей пощечину.

— Так нужно, Глеба, — ласково ответила Настя.

— Ты же сына ждешь!

— Его не будет. Час назад у меня была знакомая медсестра и сделала укол.

— Что-то я никогда ни о какой медичке не слышал, а тут сразу нари-совалась!

— Ну мало ли ты кого из моих подруг не знаешь?! О всех, что ли, надо докладывать?!

Потом он бушевал и хотел сообщить в милицию, а Настя умоляла не делать этого, потому что медсестру привлекут к ответственности, быть может, посадят в тюрьму, а они с ней в одном классе учились. Глядя на заплаканное Настино лицо, он сдался, спросил:

— Что я должен делать?

— Пока ничего.

В тот вечер он лег спать, совсем не желая сна, — ждал, когда начнутся роды. Он слышал, что Настя долго не ложилась и среди ночи затеяла стирку.

— Зачем мучаешь себя? — спросил он, жалея.

— Так нужно, Глеба, мне сейчас нужно больше двигаться, чтобы все прошло удачно, — ответила она доверительно и ласково, так, как всегда отвечала, когда была в хорошем настроении.

Он все-таки уснул, но она вскоре разбудила.

Роды уже начались, и в комнате непривычно пахло кровью. Все происходившее тогда в дальнейшем напоминало сон. Сон страшный. Самым ужасным для Глеба стало то, что это было их тайной. Случись что, он не мог обратиться за помощью, хотя и понимал, что это условный запрет: начнись что-то неладное на самом деле, он поднял бы всю скорую помощь города. Но как ему, не врачу, просто неопытному человеку, знать, что опасно, а что нет? И когда Настя, зажав рот платком, принялась стонать, он хотел уже звонить, но она остановила, прерывисто сказав:

— В случае чего, у меня есть телефон медсестры. Но это на крайний случай.

Глеб удивился спокойствию жены, хотя и понимал, что оно шло от решительности.

— Ты хоть покричи, — посоветовал он.

— Люся проснется, и соседи могут услышать, — ответила она и еще сильнее сжала ему руку. И по тому, с какой силой давила, Глеб понял, что и она перепугалась.

Наверное, через полчаса она все-таки родила что-то бесформенное, и, разрезав рубашку, Глеб увидел мертвого скрюченного мальчика (он как знал, что должен быть именно мальчик!).

— Сходи, закопай где-нибудь, — подсказала Настя, а он был готов в этот момент убить ее.

Завернул тельце в газету, положил в сумку и, прихватив детскую лопатку, отправился на пустырь. Копал долго, но ямка все равно получилась неглубокой, а копать глубже не было времени из-за майского раннего рассвета.

После того случая Глеб не разговаривал с женой неделю или две, да и потом говорил только по необходимости. Она, понимая его, в душу не лезла, знала — со временем забудется. И действительно, забылось. А когда Настя в колледж так и не стала поступать, Глеб начал поговаривать уже не о втором, а о новом ребенке. Но Насте так не хотелось лишних хлопот, что она придумала условие с подарком в тысячу евро, не думая, что он поверит в серьезность ее слов. Она лишь хотела отпугнуть, а он поверил. Это для Насти оказалось равнозначно оскорблению. Она и прежде догадывалась, что ее Глебушка — безвольный человек, а когда он стал ходить убирать снег, убедилась в этом окончательно. И чем больше он работал, тем больше ей хотелось раздраженно подшутить над ним, разыграть, что-бы доказать, что он — тряпка, а не мужик. Ведь если бы он, когда она

поставила условие, хрястнул ее по уху — она бы родила ему сына, а теперь уж ни за что!

Правда, не решалась сказать об этом в глаза. И только когда он уж слишком размечался о новом ребенке, сообщила чуть ли не официально:

— Не трать напрасно эмоции — у нас его не будет. В нашей однушке и без того не развернешься, хотя и за нее надо сказать спасибо моей бабушке.

— Но сама же говорила.

— Пошутила. И у врача не была, потому что незачем к нему обращаться. Я не беременна.

Глеб был приедем, долгое время жил в общежитии, поэтому, когда женился на Насте, старался избегать разговоров на эту тему, понимая, что ничем не может возразить жене, но обида из-за этого копилась. Поэтому сейчас вполне мог сказать что-нибудь грубое в ответ, но сдержался, промолчал, вдруг обрадовавшись неожиданно мелькнувшему в голове плану.

На следующий день, вместо того чтобы убирать участок, Глеб оделся по-спортивному и побежал в парк, высчитав, что сегодня должен увидеть Клару. Намерение у Глеба было самое серьезное: он решил жениться на ней, потому что еще со вчерашнего дня перестал считать себя мужем законной жены. Весь вечер он подыскивая подходящую замену слову «Глюкоза», но ничего не нашел, ибо все слова — хоть десять вместе — не могли передать все волнения его души.

Красный свитер Клары Глеб увидел издали. Шурша старой листвою, Воронин побежал напрямик и выскочил перед Кларой запыхавшийся, румяный. Он улыбался, глаза его, казалось, говорили: «Не обижайся, что когда-то был невнимателен. Сейчас все изменилось — я твой!»

— Тысячу лет не виделись! — поздравившись, сказал Глеб. — Пойдем сегодня в кино? — сразу огорошил он. — У тебя ведь выходной.

— На какой сеанс пойдем? — согласилась Клара, улыбаясь в ответ.

— На любой вечерний.

— Можно на последний, — предложила она и вновь улыбнулась. Но ее улыбка, более похожая на усмешку, не понравилась Глебу, потому что за ней виделось что-то тщательно скрываемое.

Точно такую же улыбку Воронин увидел на ее лице, когда вернулся домой, не дождаввшись Клару у кинотеатра. Он сразу и не понял, что видит в своей квартире Клару Пахомову. Она, Клара Пахомова, пьет на кухне чай с Настей! И обеим отчего-то так весело, ну так весело!

— Вот, познакомься, — поднялась из-за стола Настя, — моя школьная подруга. Та самая медсестра, помнишь? Она помогла мне до конца узнать тебя.

Клара в это время поднялась навстречу Воронину и, подав руку, представилась:

— Клар Пахомов...

Глеб в этот момент подумал, что у людей именно в таких ситуациях отвисает челюсть от удивления. С этой мыслью он ушел в комнату и, не помня себя, упал на хрустнувшую Люсину кушетку.

Через минуту, постучав, в комнату вошла Настя.

— Возьми, пожалуйста, сберегательную книжку на предъявителя, — почти торжественно сказала она. — Там все деньги, которые ты заработал за зиму метлой. Думаю, они не помешают тебе, когда надумаешь создать новую семью!

С возрастом люди становятся рачительными, попусту денег не тратят, особенно пенсионеры. Поэтому они чаще других задумываются о дне грядущем и пытаются кое-что сберечь на черный день.

Отставной прапорщик Николай Скрипчук ничем не отличался от других, замечая, что много денег тратит там, где их вполне можно сэкономить. Он старался вести здоровый образ жизни: редко выпивал, не курил, не передал, поэтому был поджар, горбонос и кадыкаст от худобы. Прежде Скрипчук подрабатывал фотографом, но в последние годы, когда в каждой семье появились цифровые аппараты, а потом гаджеты, работы почти не стало, поэтому жил экономно, даже прижимисто.

Приработка пока не находилось, и, продолжая изыскивать варианты, Николай однажды подумал о том, что неплохо бы купить машинку для стрижки. А что: сам себя остриг — заметная поддержка бюджету! Понятно, что качественно не острижешь, но наголо-то — запросто. К тому же быть «лысым» давно не позорно. Многие мужчины так ходят: и молодые, и в возрасте. Поэтому, взвесив все за и против, побывав в нескольких магазинах и приценившись, купил машинку. Выбрал подешевле, хотя и не профессиональную, но известной заграничной фирмы, как уверял продавец, потому что цена профессиональных — половина пенсии. Принес машинку домой, попробовал на висках — берет, и очень даже гладенько. Сразу позвонил сыну, похвастался машинкой и спросил, когда тот приедет, чтобы постричь.

Прежде, когда сын стриг ножницами, всегда отнекивался, но сегодняшнее упрямство показалось странным, и Скрипчук подумал, что это бывшая жена вмешивается: наговорит о нем сыну какой-нибудь гадости, а у того сразу «проблемы».

— Пап, не заморачивайся! Ведь тебе можно льготно постричься.

— Отцу отказываешь?! — огорчился Николай, но огорчился не всеерьез, а чтобы поворчать.

— Не отказываю. Просто времени нет.

— А мне не к спеху. Когда приедешь, тогда и приедешь. Что же, я зря машинку покупал?! А льготно стричься — это и стыдно, и все равно не бесплатно. Да и не люблю я парикмахерские. Так что жду тебя!

Сын обещал как-нибудь приехать и постричь, хотя его «как-нибудь» могло растянуться на недели, а Скрипчук и без того оброс сверх меры. Но делать нечего — пришлось пока ждать. Хотя если действительно стричься наголо, то он теперь и сам мог себя остричь, но наголо все-таки не очень-то хотелось.

Несколько дней Николай поглядывал на машинку, ожидая сына. И не только. Хотелось к возвращению из санатория своей белокурой Оксаны, у которой он жил, выглядеть аккуратно и молодцевато. Лет уж пять вместе. Даже одно время хотели расписаться, но Оксана частенько вела себя замысловато, посмеивалась над ним, особенно когда тот выходил из-под ножниц сына с оригинальной прической, называемой ею «аля-лесенка». Может быть, из-за этой «лесенки» она не очень-то хотела, как понимал Николай, навсегда приютить его, поэтому обходились гражданским браком.

Сын все не ехал, а до возвращения любимой оставалось два дня. И тогда он решил: «Если сегодня сына не будет — сам остригусь, пусть и под ноль! Пусть ему потом стыдно будет! А Оксана меня всякого видела!» Ждал до того часа, когда по всем прикидкам сын должен был приехать после работы, а дождался телефонного звонка! Сын сразу «обрадовал»:

— Пап, извини, но меня срочно послали на три дня в Самару! Так что

звоню из поезда! Как-нибудь сам разберись или меня дождись из командировки!

— Ладно, разберусь! — миролюбиво отозвался Николай, не стал портить сыну настроения, хотя сперва хотел высказать ему все, что думал о нем в этот момент.

Откладывать стрижку было нельзя, и Скрипчук тотчас решил: на лысого, так на лысого! Он приготовил машинку, насадки и в ванной комнате начал вертеться перед зеркалом. Оказалось, что шнур коротковат. Но ничего, приноровился. Когда же включил машинку, то смело подцепил волосы, оставляя остриженную дорожку. Потом другую. Чернявые, седеющие волосы так и валились кольцами. За несколько минут полголовы облысело. Тогда взял зеркальце, встал спиной к большому зеркалу, чтобы остричь затылок, и вдруг машинка замолкла, хотя он не выключал ее. Вот те раз! Не понимая, что произошло, Николай выдернул штепсель из розетки, вставил назад, пощелкал включателем — тщетно. Машинка молчала. Продолжая ее разглядывать, словно от его взгляда она волшебным образом могла вновь заработать, Скрипчук вспомнил о своей голове. Он посмотрел на себя в зеркале и ужаснулся! Узнав время, понял, что все парикмахерские закрыты! «Что же делать?» — задался он вопросом и не придумал ничего лучшего, как остричь остатки волос ножницами. Обмывшись под душем, лег спать в расстроенных чувствах и долго не мог заснуть, понимая, что до утра ничего изменить не сможет.

Утром отправился в парикмахерскую в половине двенадцатого, чтобы не мелькать перед льготниками своей «прической». Решил переплатить, но зато подстричься, не томясь ожиданием. Хотя стоял июль, но — делать нечего — надел берет, натянув его до ушей. Выйдя на лестничную площадку, прислушался, чтобы не очутиться в лифте с кем-нибудь из знакомых, успешно доехал до первого этажа. Только вышел из подъезда — знакомый голос:

— Коля, помоги!

Глаза поднял, а это улыбающаяся, загорелая Оксана из машины выбирается, а рядом с ней незнакомая женщина и скучающий мужик, доставший из багажника дорожную сумку Оксаны. Вот так новость! А она распрошталась с попутчиками и, пока шла с Николаем к лифту, пояснила:

— Познакомилась в санатории с интересной женщиной. Она и уговорила на день раньше уехать. Да и как было не соблазниться, если за ней приехал муж, а добираться своим ходом надо с несколькими пересадками.

Пока она болтала по всегдашней своей привычке, Николай, конечно, подумал, что Оксана специально примчалась раньше, чтобы проверить его обликотоголе, как частенько говорила она. Поэтому за болтовней не сразу обратила внимания на его вид. Только в квартире насмешливо удивилась:

— Что у тебя с головой?! Опять хотел сэкономить?!

— Пустяки... — отмахнулся Николай. — Ты пока располагайся, а я до парикмахерской побегу.

Не дожидаясь новых расспросов, Скрипчук развернулся и был таков.

В парикмахерской, как только он присел в тамбуре, ожидая, когда пригласят, возникло недоразумение. Молодая парикмахерша, увидев на голове клиента берет, сразу запугала:

— С кожными заболеваниями не обслуживаем!

— С чего вы взяли, что у меня заболевание?!

— Мужчина, не морочьте голову!

— А я и не собираюсь морочить. А прежде чем укорять и незаслуженно навешивать ярлыки, сперва разобрались бы!

— А чего разбираться, когда и так видно, что у вас стригущий лишай! Вам в больницу надо, а вы заразу разносите!

— Могу я видеть руководство этого заведения?!

Не сразу, но парикмахер позвала заведующую и что-то шепнула ей.

— Здравствуйте, что случилось? — спросила непомерно полная женщина.

— Случилось то, что вашей сотруднице надо бы научиться вести себя с клиентами должным образом и не навешивать ярлыков!

— Что у вас с головой?

— С моей головой порядок, а вот с вашей...

— Мужчина, ну хватит! Что вы с утра начинаете всем нервы мотать.

И тут Скрипчук не выдержал, сорвал берет и наклонил голову:

— Смотрите, где лишай?!

— А что у вас?

— Несчастный случай, разве не видно...

Рассказал Николай свою историю, заведующая заулыбалась, а ему не до улыбок. Сел он в кресло к давешней девице, а настроения никакого. Да и она подлила масла в огонь:

— Наверное, машинку-то купили самую дешевую, китайскую какую-нибудь?

— Почему же! Профессиональную, немецкую, за сто евро! — хочешь не хочешь приврал Скрипчук.

Мастер, забыв о предыдущем разговоре, сразу спросила жалеючи:

— Как вас стричь?

— Под самый короткий ноль! Или вы сможете как-то по-иному?!

Та промолчала. И более никто из них не говорил. Лишь когда она остригла, он спросил:

— Сколько с меня?

— Сто пятьдесят.

Он заплатил (сказали бы — четыреста, отдал бы и четыреста) и выскочил на улицу, негодуя оттого, что практически ни за что выкинул полторы сотни. Но волна свирепого гнева быстро превратилась в мелкую житейскую рябь, когда Николай вспомнил об Оксане и зашагал домой успокоившийся, без берета. Когда вошел в квартиру, то первым делом выбросил машинку в мусоропровод. Как была в коробке, с насадками, с коротким шнуром — все полностью! И ничего не стал объяснять Оксане, прихорашивавшейся после душа. И если бы она не спросила укоризненно, то и вовсе забыл бы о недавней злосчастной покупке:

— Что у нас с розеткой? Включила фен, а он не работает. Пришлось в кухне голову сушить...

Скрипчук на секунду замер от такого признания и, обо всем догадавшись, схватил фен, вставил штепсель в одну розетку, другую и по-настоящему рассмеялся, потому что в ванной прибор не работал, а в кухне жужжал за милую душу.

— Ты чего? — не поняла его смеха Оксана.

— Техническая ошибка... — отговорился он, догадавшись, что повредил розетку, дергая короткий шнур, и отправился искать дворника.

Просто так обращаться к нему из-за пятисотрублевой машинки стыдно, поэтому Николай приготовил сотню, понимая, что задаром тот не будет копаться в мусоре. Да и не хотелось казаться последним жмотом, объяснять каждому встречному, что ты — неработающий пенсионер, что ищешь работу и когда-нибудь найдешь ее, а пока приходится экономить каждую копейку, чтобы хотя бы изредка дарить цветы насмешливой и прилипчивой Оксанке.